

Роман «Божии поля», на мой взгляд, — заметное событие в литературной жизни России. Написанный добротным языком художественной прозы, книга по содержанию представляет собой историческое полотно о жизни нашей деревни за последние десятилетия с экономическим анализом и философским осмыслением причинно-следственных связей произошедшего.

Заинтересованный читатель, опираясь на обширный объективный материал книги, сможет составить представление не только о новейшей истории деревни, но и о путях выхода из жестокого системного кризиса, в котором оказалось сельское хозяйство и почти треть (порядка 40 млн.) населения страны.

И, разумеется, роман призван сыграть воспитательную роль, так как несёт мощную нравственную нагрузку.

Есть все основания верить автору. Он великолюбно знает деревню, и, по сути, остаётся верной ей, несмотря на произошедшие в стране резкие перемены, чем обирает себя на скромную (в смысле материального достатка) жизнь.

Коллега Александр Николаевич по писательскому цеху Иван Уханов коротко и ёмко обозначил круг творческих интересов и забот писателя: «Земля и люди, сестели и хранители».

И ещё убедителен Арцибашев потому, что в словах его физическая боль и страдания за поруганную деревню, за то, что крестьян столетиями угнетали и притесняли, никогда не voidзавая в соответствии с выполняемой ими миссией — своим трудом кормить всех остальных членов общества. Менялись политические системы (царская, советская, постсоветская), а крестьянин оставался униженным и обобранным. Отсюда и вечное отставание отечественного сельского хозяйства, вечная неспособность обеспечить население страны продовольствием.

Арцибашев достоин быть поставлен в ряд с

турная жизнь Александра Арцибашева. С начала 1980-х годов в журналах «Наш Современник», «Москва», «Роман-газета» и других печатались знаменитые арцибашевские очерки о деревне. В их числе «Не все яблоки сладкие» (о садах России), «В той неброской сторонке» (о мелиорации), «Хлопоты Филатовых» (о личных сельских подвоях), «День в Красной Пойме» (о связи аграрной науки с производством) и другие (их десятки). Потом пошли крупные произведения: роман «Крестьянский корень», повести «Прости, отец», «Станочки гранёные», «По Ивдельской дорожке», «Бриллианты Шалыпина». В наследии Арцибашева есть и рассказы. Их немного, но каждый — высокохудожественная миниатюра, поднимающая извечные проблемы: труда как первоосмысления всего сущего, нравственности, любви.

В повести «Станочки гранёные» проблема хозяина на земле — центральная. Видит главный герой, совестливый крестьянин Максимыч, проросшие валки пшеницы на колхозном поле, и мутно становится у него на душе: «Отвернулись, считай, от земли. Не грешно ли по семь центнеров ржи с гектара собирать? В прежние годы, когда сохой обрабатывали наделы, постыдились бы таких урожаев...» Далее говорит о картофе: «С половины посадок клубни выкопали — то хорошо, остальное перепахали».

Арцибашев многократно возвращается к этой теме и в «Божиих полях». Писатель не навязывает читателю свою точку зрения, а подводит его к принятию исповедуемых им ценностей, привлекая обширную доказательную базу от бесстрастных цифр статистики до мнений-исповедей многих людей, имеющих отношение к деревне, сельскому хозяйству.

Начала о цифрах. Александр Николаевич пишет: «Только с 1974 по 1984 год в развитие сельского хозяйства Нечернозёмной зоны Российской Федерации было вложено 80 миллиардов рублей. А отсюда? Объём валовой продукции колхозов и

произвела сильное впечатление притча, рассказанная Можеевым:

«А по гребню косогага мужичок идёт. Землю пашет. Год, жизнь, десять веков. И земля знает, чья она. Хозяин её тот, кто по ней борозду ведёт и в борозду эту прежде зерна пот роняет. Исчезни пахарь с земли этой — всё исчезнет. Ни стихов, ни подвигов, ни истории не останется. Вот что больше всего меня тревожит».

Великие слова, сказанные Можеевым и отмеченные Арцибашевым, с надеждой, что они будут услышаны теми, от кого зависит политика, проводимая на селе, — земля должна принадлежать тому, кто её обрабатывает.

Мудро, с глубоким знанием дела говорил Можеев об аренде: «Аренда есть первая ступень к самостоятельности производителя, к кооперации, к настоящей торговле и, следовательно, реальная опасность для бюрократов». При этом Можеев призывает воздерживаться от радикальной реорганизации и тем более ликвидации эффективно работающих колхозов и совхозов. А заниматься, прежде всего, хозяйствами, потерявшими ресурс выживания, перспективу. Сосредоточить тогда государство свои усилия на налаживании глубоких арендных отношений, глядишь, и создали бы на селе настоящих хозяев без большевистской ломки коллективных хозяйств.

В 1990-е годы Арцибашев ставил в упрёк защите колхозов, притом, что он осуждал коллективизацию, видели в этом его непоследовательность. Но ведь он защищал не колхозы с типичными для них порядками, а миллионы крестьян, не по своей воле ставших колхозниками, но в течение жизни трёх поколений как-то адаптировавшихся к ним. Колхозы и совхозы при всех их недостатках стали уже не хозяйствами 40-х — 50-х годов, в которых люди работали за «палочки», ничего не получая, а сельскохозяйственными, худо-бедно гарантировавшими удовлетворение и материальных, и духовных потребностей. А что

— Суду бы в банке взял.

— Легко сказать... Одна болтовня о фермерстве. Коснись конкретно чего-нибудь — замаешься бегать по конторам...

В этом коротком диалоге объяснение причин, в силу которых фермерство в России не стало ведущим укладом.

Вроде бы по мере прозрения, что без возрождения хозяйства не сделать сельское хозяйство эффективным, следовало бы постепенно всё для этого делать, а власти поступали наоборот. Арцибашев как о большой беде говорит про пресловутую политику ликвидации неперспективных деревень. Опять же привлекает к этому уважаемых людей, жизнь отдавших деревне, знающих о ней всё. Судьба свела писателя с Владимиром Линьковым, председателем колхоза из Вологодской области. Он, помимо грамотного ведения дел, прославился отказом вступить в агрообъединение. Председатель возмущался проводимой тогда антикрестьянской политикой. О многом он наговорил Арцибашеву. К примеру, вот такое: «Затеяли очередной эксперимент — укрупнение хозяйств, сселение "неперспективных" сёл и деревень. Крестьян никто не спросил: хотят или нет переселиться? Начался разброд. Молодёжь уехала мимо райцентров на ударные комсомольские стройки. В деревнях остались одни старики. Чего они нарабатывают? Вместо рывка в экономике получили застой...»

Арцибашев многократно возвращается к фермерской теме и в «Божиих полях», и в других своих произведениях и публикациях, ссылаясь для репрезентативности на мнения земледельцев из разных регионов страны. Он видел, что многие хлынули в фермеры, поддавшись перестроенной риторике и обещаниям льготных кредитов. Но пошло немало и настоящих тружеников, сделавших осознанный выбор. Среди первых фермеров был Михаил Дмитриевич Куимов из Шаховского района Московской области. Его дед по всем

Например, по поводу утверждения о том, что Горбачёв развалил страну. Это каким же надо было быть гением, превосходящим по силе Моисея, Христа и Магомета вместе взятых, чтобы одному развалил великую страну с двадцатимиллионной партией, четырёхмиллионной армией, мощными карательными органами и многим другим. На завершающем этапе перестройки я был на пленумах и активах ЦК и видел, как все их участники единодушно одобряли предложение Горбачёва. Не нашлось человека, кто бы встал и сказал: «Товарищи, чего мы слушаем этого могильщика социализма? Давайте выберем другого человека!»

Так что все мы причастны к произошедшему. А кризис исподволь назревал давно и закончился развалом страны.

Что бы ни говорили о Горбачёве, он, затеяв перестройку, не собирался строить воровское общество, которое у нас образ-ВАЛОСЬ. И прав Арцибашев, когда в середине 1990-х годов предупреждал, что может произойти с землёй: «Получилось, что страдала вся Россия, за исключением небольшой кучки олигархов, присвоивших рудники и нефтескважины, заводы и фабрики, самолёты и паромы, древние усадьбы и музеи. Оставалось захватить поля, леса, озёра, реки. К этому всё и шло».

И что же? Как только рыночный оборот земли был признан законодательно, её стали растаскивать люди, не имеющие к ней отношения. Стали формироваться латифундии, по размерам невиданные ранее ни в Древнем Риме, ни в латиноамериканских странах. Ведь это же настоящее безумие, когда одна семья владеет сотнями тысяч гектаров. Некоторые озвучивают намерения иметь в личной собственности миллион га. А между тем, чтобы фермеру купить десяток-другой гектаров у владельца земельного надела, нужно пройти настоящие муки ада. Латифундисту же продажные чиновники сами приносят документы на землю на блюдечке с голубой каёмочкой. А люди отдают её за бесценок.

Материальная и духовная составляющие неразделимы в жизни человека, как и в творчестве писателя Арцибашева. Ему до всего есть дело, обо всём болит душа — идёт ли речь о приобщении людей к вере или о народном творчестве, или о школах и библиотеках.

Сколько я слышал о печальной судьбе памятников нашей истории и культуры, сам посмотрел на разрушенные и поруганные храмы, заброшенные поселения с памятниками деревянного народного зодчества и многое другое. Но читаю «Божии поля» и в который раз задаю себе вопрос: «Ну почему мы такие?»

Вот шагает Арцибашев по улицам древней Тотмы (Вологодская область) и размышляет: «Из семнадцати храмов чудом сохранилось шесть. В Богоявленской церкви сделали кинотеатр, Иоанна Предтечи — склад промкомбината, Воскресенской — склад совхоза...»

Или пишет о судьбе музея «Остафьево» (Подмосковье) — родового имения поэта Явзёмского: «Разорили усадьбу в 1930-е годы, имущество растащили, развели у дома костёр и побросали в огонь почти полторы сотни старообрядческих икон XV-XVII веков...»

Казалось бы, ну натворили непотребного в период богоборчества и угара классового ненависти, но теперь-то пора одуматься, принять меры к сбережению того, что осталось из столетиями создаваемого нашими предками. Ничего подобного. Приехал Арцибашев, чтобы посмотреть на былую усадьбу, и что же? В доме отключены свет и газ, прилегающие к нему здания приватизированы, хотя в 1993 году усадьба «Остафьево» была объявлена историко-литературным музеем. Но что там статус музея какой-то усадьбы, когда выдающаяся веку русской истории, героизма и славы нашего народа — Бородинское поле — не пощадили.

Коротко о включённых в книгу рассказах. Всего их семь. В целом они производят сильное впечатление как актуальностью выбранных тем и следующей из них моралью, так и живым, образным языком. Хотелось бы отметить две особенности, бросающиеся в глаза и характеризующие Арцибашева как мастера художественной прозы.

Первая — большое число афоризмов-поговорок. Остроумных, применённых к месту. Примеч, не заимствованных у Даля или других собирателей пословиц и поговорок, а созданных самим писателем в процессе работы над рассказами. Приведу некоторые перлы: «От семьи, что от Бога, — свободы нет»; «Любовь без обиды не бывает»; «Снег на дорожку — это к счастью»; «Коровы мычат — пастуха кричат»; «От лени вся скука, каждый поклон земле — наука».

И второе. Арцибашев великолепно описывает природу, русские пейзажи: «Солнышко припекало всё сильнее и сильнее. В молодой травке закустившись ярко-оранжевые одуванчики. Зацвела черёмуха, воздух стал забористее, дали подёрнулись сизоватой дымок». Или вот ещё: «От земли исходила испарина, под курточку забирался зябкий ветерок. Петруня пил губами утренняя свежест и не мог нарадоваться своему маленькому счастью. Над кромок леса поднималось спящее солнце, оцепывая яркими лучами дальние поля, прошлогодние стога соломы, лужбинки в редколесье; весело щebetали птицы в вышине, стараясь переключить друг дружку и выказать свою удаль...» «Вплотную к воде подступали матёрые ель. Под ними — разлапистый папоротник, куртинки черничника, наплывы белёсого мха. Лес ещё не утратил своей свежести, в ранних солнечных лучах причудливо светились паутинки на берекслете, рдел медью рябинник, кружились в воздухе опадающие листья; изредка наталкался на огромные муравейники, что говорили о чистоте бора. Дышалось легко и вольно...» «В поухой траве чернели испревшие пни; молодые осинки пылали охрой; лёгкий ветерок шушал отслонившейся корой деревьев. Тишина нарушалась лишь поскрипыванием сосен-семенух, величаво возвышавшихся над подростом...»

Уверен, что книга «Божии поля» найдёт своего читателя не только среди людей, связанных с деревней, любящих её, переживающих за неё, но и в кругу управленцев и общественных деятелей, от которых зависит формирование политики по отношению к селу, вообще к русскому крестьянству.



Александр Арцибашев у дома Мамина-Сибиряка на Урале

Божии поля

Владимир КАЗАРЕЗОВ

В Москве, в магазине «Библио-Глобус», что на Мясницкой 6, состоялась презентация новой книги «Божии поля» русского писателя Александра Николаевича Арцибашева. В неё вошли одноимённый роман о земле и ряд лирических рассказов. На презентации выступили крупные учёные-почвоведы, руководители подмосковных хозяйств, писатели-деревенники, отметившие актуальность поднятых автором проблем развития сельского хозяйства. Сегодня мы публикуем размышления на эту тему известного публициста-агрярия

писателями-деревенниками: Владимиром Тендряковым, Валентином Овечкиным, Фёдором Абрамовым, Борисом Можеевым, Василием Беловым, Иваном Васильевым, — возвысившими голос за судьбу крестьян, за судьбу многострадальной деревни. Каждый по-своему, но все убедительно и страстно, писали о причинах извечного отставания сельского хозяйства и убогой жизни крестьян, видя главную их причину в том, что крестьянин никогда не являлся собственником земли да, по сути, и производимого продукта.

По-разному складывались судьбы пишущих о деревне мастеров слова: писателей, журналистов, публицистов. Одни как обслуживали партийно-советскую власть, идеализируя колхозы и совхозы, так и остались в том времени, не видя и не желая видеть, что жизнь стала иной. Другие быстро поменяли свои убеждения на прямо противоположные и начали бороться с тем, к чему звали до августа 1991 года. Третьи никогда не имели никаких убеждений и служили и служат тому, кто больше платит. Разумеется, это грубый расклад без учёта полугонов и промежуточных характеристик. Где же место Александра Арцибашева? Он оказался в числе тех немногих, кто всегда имел свою точку зрения, как правило, существенно отличающуюся от официальной, а то и прямо противоположную ей.

Будучи сотрудником главной газеты страны — «Правды», колесил по сёлам и всяем, обращая внимание, прежде всего, не на «майки», дающие повод писать о выдающихся успехах, доказывающих преимущества колхозно-совхозной системы над отсталой фермерской западных стран, а старался докапаться до причин топтания нашего сельского хозяйства на месте. То же самое и в бытность работы его на телевидении. Он находил эти причины, говорил о них. Писал страстно, убедительно. «Божии поля» — своего рода итоговый труд писателя и журналиста, по которому можно судить об идеологических, нравственных, социально-экономических и иных пристрастиях автора. Он обнажает, выставляет напоказ не только господствующие взгляды на произошедшее, но и своё отношение к нему тогда, когда это происходило. От одного человека, знакомого с проблемами сельского хозяйства и с творчеством Александра Арцибашева, я услышал примерно такие слова: «Его не поймёшь: то он считает коллективизацию губительной для русского села, то жалеет о развале колхозов, то выступает за реформирование сельского хозяйства, то критикует саму реформу и реформаторов». Я же не вижу особых противоречий в том, что говорил обо всём этом писатель в разное время.

В «Божиих полях» он возвращается к своим оценкам, данным ранее, добавляя к ним новые, уточняя. Ну, а что касается коллективизации, то считает её насильем, совершённым над людьми, которому нет оправдания. Последствия оказались губительными как в экономическом, так и в нравственном отношении. Мало того, что погибли лучшие люди деревни, но и выжившие перестали быть хозяевами, оказались испорченными, не мотивированными работать и жить в соответствии с крестьянской моралью.

Появлению «Божиих полей» предшествовала насыщенная, богатая по результатам литера-

совхозов практически остался на прежнем уровне».

Честный Арцибашев написал об этом в 1984-ом в очерке «В той неброской сторонке», когда партия являлась ещё «руководящей и направляющей», за что и получил по шее. А многие и спустя десятилетия считают, будто тогда всё было не просто нормально, а здорово. Я читал книгу — воспоминания бывшего секретаря Смоленского обкома партии Клименко, — в которой тот говорил о выдающихся достижениях сельского хозяйства области в 1970-1987 гг. Он доказывал это, ссылаясь на проведённое осушение (200 тыс. га) и окультуривание (340 тыс. га) земель, многократное увеличение применения удобрений, ввод новых животноводческих помещений, строительство комбикормовых заводов, создание десятков научно-исследовательских институтов, открытие филиала Тимирязевской академии и т.д. И всё это верно. Но верно и то, что сделанные вложения не привели ни к росту урожайности основных культур, ни к повышению продуктивности животных. Арцибашев говорил об этом парадоксе, а руководитель области, как и руководители страны, утаивал правду.

Рассказывая о своих встречах с народным академиком Терентием Семёновичем Мальцевым, Арцибашев прежде всего выделяет мысли великого хлебороба о безопасности усилий получить от земли полную отдачу без возрождения хозяйства. Мальцев говорит о том, как приобщился к крестьянскому труду он сам и его друзья: «Поначалу боронил деревянной бороной, сгребал граблями сено, помогал молотить зерно. В десять лет отец доверил плуг. Сколько радости было от первой борозды! Земля под босыми ногами тёплая, от неё исходит свежесть; птицы в колках заливаются во все голоса; на душе светло, вольно. До сих пор перед глазами та первая пахота». Так, перебарывая мостик от тех воспоминаний ко дню сегодняшнему, Мальцев так восторженно говорит: «У меня такое предчувствие, что Россия окончательно потеряет мужика. Долго рубили крестьянский корень, но спасала молодая поросль. А теперь, при таком развале, разве парней и девчат удержишь на селе? Старики уйдут, и земля заступеет. Стыдно смотреть людям в глаза». Арцибашев записал эти слова знаменитого соотечественника в 1994 году. Затем он приехал к Мальцеву ещё раз, с телевизионщиками, чтобы снять разговор с ним для передачи «Сельский час». Но записки не получились из-за тяжёлой болезни Терентия Семёновича.

Арцибашев пишет: «Сердце мое жалось от волнения, горло сдавило слёзы. Что было сказать мудрому старцу? Он смотрел далеко вперёд и, осознавая бессилие, что-либо изменить, страдал невыносимыми муками за всю Россию, за весь русский народ».

Много места в эссе посвящено выдающемуся писателю-деревенщику Борису Можееву. Я хорошо знаком с его творчеством, особенно с романом «Мужики и бабы», и с удовлетворением отметил, что оценки Арцибашева написанного и сказанного Можеевым совпадают с моими. На меня

касается факторов, заложенных в колхозной системе, тормозящих развитие сельского хозяйства, то Арцибашев видел их, знал о них лучше многих радикалов, требовавших немедленной ликвидации колхозов. И высвечивал все несообразности, предлагая пути модернизации коллективных хозяйств. Прежде всего — предоставление колхозам самостоятельности, а в них — колхозникам. Одним из таких путей он и считал аренду.

Не являлся писатель и противником фермерских хозяйств. Даже более того. Он солидарен с Можеевым, слова которого приводит в «Божиих полях», сравнивая эффективность работы в наших крупных сельхозпредприятиях с таковой у голландских фермеров: «В среднем по Московской области мы собираем с одного гектара картофеля 127 центнеров, кукурузы на силос 298 центнеров, а в Нидерландах — соответственно 411 и 480 центнеров. И далее: один человек, работающий у нас в сельском хозяйстве, кормит примерно 8-9 человек, а в Голландии — 112-117 человек (мировой рекорд). Вот и убедил, что система гигантских земельных комбинатов по 10 и 15 тысяч гектаров — переделывая, а мелкоточная система ферм по 25-40 гектаров — отстала. Голландия, имеющая земельные угодья чуть больше, чем Московская область, — великая сельскохозяйственная держава, занимающая второе место по экспорту мяса, сыра, масла и прочего после США. А мы? А ведь земля Московской области ничуть не хуже голландской по уверенности наших и голландских специалистов».

Будучи знатоком отечественной истории вообще и деревни в частности, писатель предостерегал от зифирии по поводу эскалаторных ожиданий, появившихся в обществе в связи с предпологающейся фермеризацией. Он знал цену многократным кампаниям, проводимым на селе в разное время, и своим крестьянским чутьём понимал, что ничем хорошим не закончится и шумиха вокруг фермеров. Что бюрократы не дадут крестьянам стать самостоятельными хозяевами. А вот землю под этот шумок растащат те, кто сколотил себе капиталы. Но Арцибашев не доверяет только своей интуиции. Бывая в деревнях, он сверяет собственные представления с тем, о чём думают крестьяне, судьбу которых решают в московских кабинетах.

Обращу внимание на фрагмент разговора писателя с колхозником, жалующимся на отсутствие зарплаты, да и работы. Между прочим, происходило это на родине Терентия Семёновича Мальцева в Курганской области:

— Раньше за хлеб спрашивали покрепче. Нынче разброд в головах: не выросла пшеница — ну и ладно, купим где-нибудь... Касса-то отошла, ни копеечки свободных денег. На что купить фураж? Надои, проводись низкие. Получается, ни растениеводство, ни животноводство не приносят дохода...
— Как же думаете жить дальше?
— Честно сказать, теряться в догадках. С Нового года без зарплаты. Куда годится? Даже в наряд не вписываются...

— Плунал бы на всё и ушёл в фермеры, — выпрывает у меня.
— Согласен уйти.

— Почему же не берёшь землю?
— А чем её обрабатывать? Где техника?

статья подлежал раскулачиванию (имел десять коров, выездных лошадей, мельницу, маслобойку и много чего ещё). В общем, являлся крепким хозяином. За что и отобрали всё, сослали в тайгу. А внук кулака стал директором совхоза. Когда всё начало рушиться, пошёл в фермеры. Говорил: «Во мне всколыхнулось что-то деревское». Не знаю, как сложилось у Куимова, но тогда, в начале 1990-х, он с горечью заявлял: «Я не мог предположить издевательства над фермерами государством». И рассказал об этих издевательствах, которыми несть числа. Приведу только один пример: «Взять Мосэнерго. Заключил договор на получение электроэнергии: должен использовать строго определённое количество киловатт-часов. Сэкономил — штраф в десятикратном размере! Также и за перерасход. А вот если отключат по какой-то причине электричество от фермы и гусята помёрзнут — никакой ответственности не понесут. Бось, как бы не было ещё хуже».

А вот издевательство другого начинающего фермера, Александра Кулагина, работавшего скотником: «В прошлом году пробовапи выращивать зерновые, но из затеи ничего не вышло — половина посевов ушла под снег. Вручную ведь не будешь косить! А наминать комбайн дорого. Из техники только трактор. Да и то взял на время у знакомого. Договорился было с заготконторой поставлять свинину. Построил сарай, купил поросат. Ночью кто-то поджёг — всё сгорело...»

Увы, подобных историй я, побывавший в более чем тысяче крестьянских хозяйствах многих регионов страны, слышал массу, писал об этом. Однако в целом общество мало информировано на сей счёт. И мы должны быть признательны Александру Арцибашеву за объяснение причин, из-за которых фермерство в России не состоялось в масштабах, достойных нашей страны. Ведь и сейчас оно отвергается многими, как чуждое русскому крестьянству. В то время как главное в другом: людей заманили в фермеры и бросили один на один со своими проблемами. Я смотрю на эту акцию как на общегосударственную провокацию, устроенную тогдашним руководством страны. Реформу объявили, но не обеспечили её успешное проведение ни необходимыми ресурсами, ни государственной управляющей волей. Примеч, разумной волей. Как тут не согласиться со словами Александра Николаевича: «Если бы Столыпин не доводил сам до всего при осуществлении своей аграрной реформы, то ничего путного из его затеи не вышло бы. Гайдар же оскорбил миллионы крестьян высказыванием о деревне как о «чёрной дыре»».

Что там Гайдар! Ельцин, объявивший аграрную реформу важнейшим своим приоритетом, практически ничего не сделал для её претворения в жизнь. Вот и получили вместо подъёма сельского хозяйства, как это было при Столыпине, его обвал. Скрупулёзно разбирает писатель причинно-следственные связи произошедших в стране катаклизмов за последние три десятилетия. Он знает, о чём пишет, так как ко многому имел отношение. И не только как свидетель, а и в качестве активного участника. Соглашаясь в целом с его оценками, имею что возразить. Тоже как участник тех драматических событий.